

РОЛЕВАЯ СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОГО ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА

Жеблиенок Наталья Николаевна,

кандидат архитектуры,
Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет,
ООО «Лаборатория градопланирования»,
Санкт-Петербург, Россия, e-mail: shesternevanng@gmail.com

УДК: 711.4.01:316.663.23
ББК 85.118

Аннотация

В статье изложены результаты исследования ролевой структуры российского градостроительства. Обобщение профессионального дискурса XX–XXI вв. позволило описать 9 наметившихся в практике решения градостроительных задач ролевых моделей профессиональной деятельности (обозначенные как «планирование», «проектирование», «программирование», «рефлексия», «регулирование», «регенерация», «интеграция», «инновации», «история»). Анализ теоретических концепций выявляет не менее 6 моделей из этого перечня в научных представлениях о структуре градостроительной деятельности. Но в регламентирующих документах роль градостроителя ограничена разработкой и оформлением градостроительной документации, т. е. официально «оформлены» 3 модели («проектирование», «регулирование», «рефлексия»). Это несоответствие обуславливает необходимость актуализации терминов «градостроительство» и «градостроительная деятельность», а также уточнения и синхронизации всех правовых документов, стандартов, развивающихся концепций.

Ключевые слова:

градостроительная деятельность, ролевые модели деятельности, профессия градостроителя

Исторические корни градостроительства, несомненно, лежат в области практической деятельности. Римские грамотики и менсоры, русские градорубы и градоделцы в свободное от участия в военно-оборонительных мероприятиях время помогали «нарезать» земельные участки, строить дороги, решать земельные споры. «Деятельностная» природа градостроительства остается и сегодня настолько влиятельной и неоспоримой, что существование иных (кроме прикладного проектного) типов градостроительного знания многими исследователями рассматривается как нечто комплементарное и необязательное¹. В России ракурс рассмотрения градостроительства исключительно с точки зрения возможностей его физического воздействия на среду имеет особенно широкую поддержку². Но фокус данного исследования направлен не на проблему ограниченности этого подхода. Серьезное беспокойство вызывает разрушительный дуализм, возникающий в результате развития почти противоположных трактовок содержания самого понятия «градостроительство».

До 1930-х гг. градостроительство рассматривалось как «художественное выражение уравнивающей справедливости, сотрудничество разнообразнейших элементов в устранении социальных зол» [5], благодаря которому «очень большой части населения обеспечивается значительная доля внешней привлекательности жизни...» – такой подход соответствовал общемировой практике, он и сегодня выглядит довольно целостным. Позже в первом издании БСЭ градостроительство было определено как «практическая отрасль планировочной архитектуры и наука, изучающая город как сложный архитектурный комплекс...» (1930 [6]). Выделение таких

неравнозначных компонентов («практическая отрасль» и «наука») оставляет без ответов вопросы: что конкретно составляет объект градостроительной деятельности? и кто является ее субъектом? Прошедшие десятилетия не прояснили эту ситуацию. Можно даже утверждать, что она усугубилась, поскольку в Градостроительном кодексе РФ сегодня «градостроительная деятельность – деятельность по развитию территорий, ...осуществляемая в виде ...планирования, ...зонирования, ... проектирования, строительства, капитального ремонта, реконструкции, сноса ..., эксплуатации...». А в структуре трудовых функций градостроителя³ находим «организация планирования и проектирования обустройства территорий, проведение исследований и изысканий ...для разработки... градостроительной документации, разработка градостроительной документации..., техническое сопровождение разработки градостроительной документации». Заявленный перечень обязанностей выглядит логичным развитием идей о том, что градостроительство это «практическая отрасль». Но, с другой стороны – полностью утрачена «наука» как составной компонент градостроительства. Это противоречит современным представлениям о градостроительстве⁴, в том числе – зарубежным [2, 3]. Понятийный дуализм, сложившийся в отношении градостроительства требует привлечения внимания профессионального сообщества. «Градостроитель», каким он предстает в профессиональном стандарте, готов решать тот перечень задач, который обозначен в Градостроительном кодексе. Но кто тогда будет отвечать на вопросы, которые определены как градостроительные в моделях российских ученых и инициативах РААСН? Возникает необходимость обсудить ролевую структуру градостроительства: определить круг ответственных за принятие многосторонних решений в области развития и осмысления искусственной среды обитания человека.

Идея типологического усложнения градостроительной деятельности не нова. Различие форм участия в градостроительной деятельности (с позиции жителя, представителей органов власти, проектного сообщества, бизнеса и т.д.) в сочетании с множественностью представленных в градостроительстве научных дисциплин уже становилось предметом рассмотрения в работах А.В. Крашенинникова, И.В. Топчий, А.М. Лолы, М.Г. Мееровича. Обсуждалась необходимость появления новых профилей проектной деятельности [7, 8]. Но должны ли разные типы деятельности обрести свое профессиональное выражение в виде самостоятельных специальностей или они функционируют как «профили» профессии градостроителя? И более сложный вопрос⁵: а существует ли градостроительная деятельность – живой трепетный процесс формирования и балансирования искусственной среды обитания человека – за границами профессии «градостроителя», каким бы стандартом она ни закреплялась?

Цель статьи – сконструировать теоретическую модель «ролевой» структуры градостроительной деятельности⁶. Актуальность исследования обосновывается малочисленностью полноценных подробных исследований данного предмета. А.П. Иваницкий, И.М. Смоляр, В.В. Владимиров ранее сформулировали ряд сохранивших остроту идей о «профилях» градостроительной деятельности, но они требуют дополнения. Публикации И.Г. Лежавы, А.Г. Большакова, Н.Ф. Метленкова, Г.П. Ерохина, В.А. Колясникова, Е.А. Ахмедовой значительно расширили общие границы понимания сложности градостроительной деятельности. Исследования Ю.М. Моисеева, Г.В. Есаулова уточнили идеологические основания изменения ролевых моделей посредством акцентирования внимания на научную [10] и общественно-ориентированную, даже политическую [11] составляющую деятельности, без конкретного выделения ее типов. Таким образом, процесс осмысления разнохарактерности градостроительной деятельности начался еще в советский период и продолжается в настоящее время, однако окончательной формулировки ролевая структура российского градостроительства еще не получила.

Усложнение структуры градостроительной деятельности⁷ происходило постепенно и постоянно по мере роста городов и развития систем расселения⁸. Много веков только прикладная

(«созидательная», а по мере накопления профессиональных знаний – с элементами проектирования и использованием расчетов) деятельность составляла видимую очевидную основу градостроительного дела. Но процесс ее совершенствования, обеспечивший великолепие градостроительных решений русских городов, зависел и от других, менее заметных форм градостроительной деятельности. В XVI–XVII вв. зарождается мастерство историка-статистика, картографа, создающего «географическую структуру русского государства» [12]. Государственные инициативы в области освоения новых земель и упорядочивания существующих поселений обусловили пополнение перечня профессиональных задач «нормотворческой» и «общественно-политической» деятельностью. То есть зарождение «сознательного искусства градостроительства» [12] неразрывно связано с идеей дифференциации градостроительной практики. Уточним, что только один из этих типов деятельности – непосредственно созидательное архитектурно-инженерное творчество – имело систему подготовки профессиональных кадров. Остальные типы деятельности реализовывали посредством личных образовательных стратегий представители «смежных профессий», очень часто «не связанные непосредственно с архитектурой, но научными и практическими результатами своей деятельности способствовавшие разработке назревших профессиональных проблем зодчества»⁹ [14].

В XIX в. повысился интерес к вопросу территориального развития страны. Этому послужили географические открытия и опыт русских путешественников, общественных и политических деятелей, краеведов, географов, статистиков, архитекторов и гражданских инженеров. «Географический» контекст этого периода подчеркивает появившийся термин «градоосвоение», который в работах XIX в. фактически использовался взамен мало тогда применяемого термина «градостроительство». Условно выделенные нами типы деятельности («проектирование», «статистика и картография» и «нормотворчество») продолжили существование и получили значительное развитие (рис. 1). В начале XX в. появились теоретические концепции, затрагивавшие идею множественности форм градостроительного знания. И.Н. Манасеин, упоминающая «градостроительство» как «прикладную» область знания, занимающуюся «мостовыми и стоками» [15], уточняет, что градостроительством занимаются выпускники, которые планируют в дальнейшем реализовать себя как земские заседатели, государственные служащие¹⁰. В.Н. Семенов разделял «проектирование» и «реализацию проектов»: «...трудность городской планировки заключается не столько в умении составить хороший план, сколько в умении его осуществить»¹¹ [16].

Вопросы регулирования перестали ограничиваться только нормотворчеством, стали включать задачи общественно-политической коммуникации для реализации градостроительных проектов. Это сопровождается появлением новых областей градостроительного знания «...со второй половины... XIX в. органы государства и местного самоуправления пытаются сознательно вмешаться ... в стихийную игру экономических сил, создавших современный город... <для> теоретической разработки практических вопросов городского строительства ... создалась особая техническая специальность «Stadtebau», где учение о планомерном создании города получило свое законченное выражение»¹².

В.Н. Семенов отмечал и усиление «интеграционной» роли градостроительства: «Сложная ответственная работа... планировщика... не под силу одному человеку, не под силу и государственному управлению... и везде, где хотят достигнуть серьезных результатов, ... организуется как широкое общественное дело» [16]. Об этом пишут в 1920-х гг. Л.А. Ильин, Н.П. Анциферов и Л.А. Велихов. В 1930–1950 гг. А.П. Иваницкий, В.Г. Давидович дискутировали на тему развития градостроительных специализаций: градостроителя-архитектора, градостроителя-инженера, градостроителя-экономиста, а также «профилей планировщиков» – педагог, санитарный врач, межевой инженер¹³.

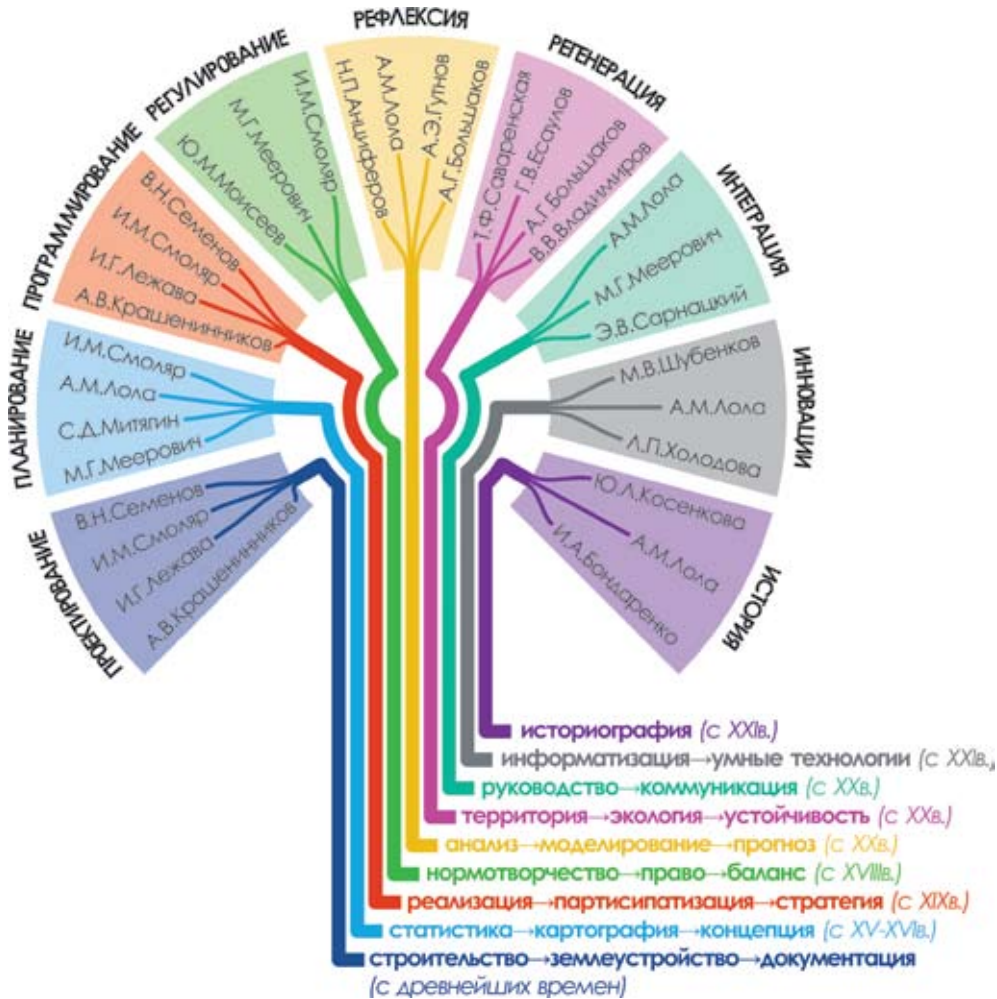

Рис. 1. Систематизация типов градостроительных задач на основе профессионального дискурса XX–XXI вв. (9 ролевых моделей)

Уже в послевоенные годы в СССР были открыты специальности «Городское строительство и хозяйство», «Экономгеография», «Планировка и застройка сельских населенных мест», которые фактически готовили инженеров градостроительного профиля. Дискуссии, сопровождавшие развитие планировочной деятельности в до- и послевоенные годы, отражали общемировой кризис, назревший в градостроительстве. Он был связан, в том числе, с невозможностью полноценного качественного совмещения разросшегося числа ролевых моделей в одном специалисте-универсале. В СССР в 1970–1990х. гг. А.Э. Гутновым, В.А. Лавровым, В.Л. Глазычевым были сделаны попытки актуализации перечня требований к планировщику. Упоминаемые ими «моделирование», «анализ», «прогнозирование» – это заявка на формирование нового типа «градостроителя-исследователя».

В начале XXI в. дискурс о разнообразии форм градостроительной деятельности принял форму непримиримой дискуссии между сторонниками и противниками термина «градостроительство». В работах Т.М. Говоренковой, М.Я. Блинкина, поздних исследованиях И.М. Смоляра получили распространение ранее применявшиеся для наименования подотраслей градостроительства понятия «градоведение», «градология», «городское планирование», «градоустройство» и др. Принципиально вопрос выбора термина не изменил содержательной стороны дискурса: градостроительство постепенно стало осмыслять себя как многоголосный оркестр, объединяющий специалистов разнообразного профиля в интересах общей стратегической цели – устойчивого и эффективного развития российских городов.

Последнее десятилетие характеризуется продолжающимся обособлением профессии градостроителя от актов непосредственного созидания – «смещается фокус, актуализируется тенденция к обстоятельному исследованию городской ткани» [18]. Озвучиваются новые подходы в трактовке сущности объекта профессиональной деятельности (город и городская среда осмысливаются как форма «капитала» [18] или сумма разнообразных форм человеческой активности). Представления о роли градостроителя как дирижера в оркестре разноголосого совместного развития городских профессионалов привели к зарождению новых профессиональных ролей (концепции А.А. Высоковского, Э.В. Сарнацкого). М.Г. Меерович предлагал рассматривать 7 ролевых моделей проектировщика («адвокат», «норматизатор», «исследователь», «концептуалист», «управленец», «коммуникатор», «градоустроитель»), исходя из «специализации по предмету деятельности», а именно – в зависимости от того, «кому из субъектов развития территории служит современный проектировщик-градостроитель».

В целом идеи каждого автора уникальны, но их объединяет идея обоснования разного типа навыков, необходимых для решения разного типа градостроительных задач. Ряд концепций обосновывает параллельность существования разных ролевых моделей, а анализ содержания ролей, которые, по мнению авторов, должны реализовываться в ходе градостроительной деятельности, позволяет их обобщить и свести к 9 ролевым моделям (рис. 1, табл.1–3), каждая из которых представляет собой «ответ» градостроительной отрасли на систему запросов, сформированных обществом. Рассматриваемые разными авторами комплекты «ролевых моделей»¹⁴ частично дублируют друг друга, это позволяет выделить три группы. Первая группа сформировалась для решения задач по созданию искусственной среды обитания человека, максимального преобразования природной среды (модели «проектирование», «планирование», «регулирование»); частично они сформировались еще до XX в. и пик их востребованности пришелся на вторую половину XX в.; эти ролевые модели рассматриваются почти во всех концепциях (табл. 1).

Таблица 1

Ролевая структура градостроительства (3 ролевые модели), сформировавшаяся в XX в. (обобщение профессионального дискурса)

Ролевая структура		Основание для формулировки ролевой модели
Роль	Содержание роли	
Проектирование	деятельность по подготовке, разработке, оформлению градостроительной документации (термин по И.М. Смоляру)	В.Н. Семенов: «архитектурная «работа техника» в городской планировке» [16]
		И.М. Смоляр: «заметное сращивание градостроительного проектирования и правового регулирования застройки» [20]
		Е. Муринец: «роль архитектора как модератора городских процессов» [18]
Планирование	Концептуальное представление долгосрочных идей по развитию территорий и их фрагментов; учет и обработка статистических данных; картография; стратегическое планирование пространственного, демографического, социального развития территорий; прогнозирование (термин по И.М. Смоляру)	М.Г. Меерович: «архитектор-концептуалист, умеющий формировать стратегии развития поселений на основе наличных ресурсов»*
		А.М. Лола: «стратегическое планирование развития города и его агломерации» [21]
		Т. Гук: «стратегический блок» специалистов-градостроителей» [18]
		Е.И. Петровская: «повышать эффективность градостроительной деятельности за счет пространственной кооперации инвестиционно-строительных инициатив» [22]

Регулирование	Разработка правовых инструментов для соблюдения баланса интересов в процессе осуществления градостроительной деятельности	Ю.М. Моисеев: «принятие стратегий управления на основе диалога и участия при программировании и проектировании» [25]
		М.Г. Меерович: «архитектор-норматизатор, разрабатывающий правила землепользования и застройки, а также местные нормативы»*
		А.В. Крашенинников: «локальная градостроительная политика – формирование ... принципов использования территориальных ресурсов и организационно-правовых процедур управления в градостроительной деятельности» [6]
		А.М. Лола: «городское управление» [21]

* <https://www.gradotomia.com/blog/interviewmeerovich>

Вторая группа моделей реализуется в настоящее время в развитых странах мира и становится востребованной в России – они направлены на нейтрализацию негативного влияния процессов урбанизации, в некотором роде они – «антиподы» моделям XX в., но реализуются параллельно с ними (программирование, рефлексия и регенерация); они упоминаются реже, чем первая группа ролей (табл. 2).

Таблица 2

Ролевая структура градостроительства (3 ролевые модели), формирующаяся на стыке XX – XXI вв. (обобщение профессионального дискурса)

Ролевая структура		Основание для формулировки ролевой модели
Роль	Содержание роли	
Программирование	разработка механизмов обеспечения реализации градостроительной политики; разработка и реализация инструментов поддержки эффективности действий местных органов власти (термин по И.М. Смоляру)	В.Н. Семенов: «работа перепланировки – дело... общественного деятеля, финансиста, организатора» [16]
		С.В. Норенков: «градостроительное программирование» [23]
		Е.А. Ахмедова: «нужны градостроители-реализаторы» [22]
Рефлексия	исследовательская деятельность, сбор и анализ социологических, поведенческих, природно-климатических, экономических и прочих данных; переход от количественного отношения к демографическим данным - к их качественному анализу	Т. Гук: «экспертный блок» специалистов-градостроителей» [18]
		Ю.М. Моисеев: «градостроительный анализ политической конфигурации городского пространства» [24]
		С.В. Норенков: «теория социальных закономерностей градостроительства» [23]
		А.М. Лола: «социология города и деревни» [21]
Регенерация	обеспечение устойчивости урбанизированных и нарушенных природных ландшафтов; восстановление ландшафтов, в том числе регенерация культурного, социально-антропогенного контекста	Т.Ф. Саваренская: «градостроительная культура» и «культурологическое рассмотрение градостроительных проблем» [20]
		И.М. Смоляр: «экология культуры» [20]
		Г.В. Есаулов: «метод матричного наложения результатов исследований различных наук на модели деятельности и процесса формирования жизненной среды» [11]
		А.М. Лола: «экология города и его агломерации» [21]

И наконец, формирующаяся группа моделей (инновации, интеграция и история) сегодня озвучиваются передовыми зарубежными градостроителями [2; 19], фрагментарное упоминание этих ролей встречается в незначительном количестве российских работ, что может быть обусловлено их безусловной ориентацией на отдаленные перспективы развития градостроительства (табл. 3).

Таблица 3

Ролевая структура градостроительства (3 ролевые модели), перспективно востребованная в XXI в. (обобщение профессионального дискурса)

Ролевая структура		Основание для формулировки ролевой модели
Роль	Содержание роли	
Интеграция	обеспечение консолидации всех участников градостроительной деятельности; обеспечение межпрофессиональной и инструментальной коммуникации в решении градостроительных задач	Э.В. Сарнацкий: «градостроитель – системный интегратор» [25]
		А.В. Крашенинников: «градостроительная деятельность – ... взаимодействие с рынком земли и недвижимости, баланс интересов застройщика, локального населения и городской администрации»
		М.В. Шубенков: «особенность градостроительства – наличие особого опосредующего звена между наукой и практикой – прикладной теории города» [26]
Инновации	обеспечение внедрения инновационных решений/ smart-технологий в градостроительную деятельность; использование приемов динамического моделирования, когнитивных прогнозов	Г.В. Есаулов: «научные знания, полученные в результате меж- и мультидисциплинарных исследований, постоянный мониторинг ситуаций, прогнозы, основанные на когнитивных принципах и синхронизации процессов, происходящих в сфере практической» [11]
		М.В. Шубенков: «новая политика пространственного развития» и обеспечение развития «новых системных конфигураций в пространстве страны» [22]
		А.М. Лола: «информациология города и региона» [21]
История	исследование закономерностей градостроительного развития территорий, обобщение и систематизация истории градостроительства; развитие новых подходов к изучению истории поселений	А.Г. Большаков «изучение тонкой настройки топологических систем» [22]
		С.В. Норенков: «историография градостроительства», «историческая перспектива изменения каркаса/ткани»
		А.М. Лола: «городская этнология» [21]
		Г.В. Есаулов: «синхронно-иконологический подход», «соотношение исторического и национального своеобразия» [11]

Только дискурс не может рассматриваться как основание для моделирования ролевой структуры целой отрасли. Следующим шагом проводимого исследования стало обобщение концептуальных теоретических трудов, которые многообразие прикладных видов деятельности осмысливают как часть структуры современного градостроительства.

До культовой книги И.М. Смоляра, Т.Ф. Саваренской и В.В. Владимирова [27] профессия градостроителя (а также факт существования самостоятельного градостроительного образования) фактически не упоминалась как объект индивидуального исследования. Поэтому своеобразным началом теоретического осмысления типологизации градостроительной дея-

тельности могут полагаться определенные этой работой типы деятельности «проектирование–программирование–планирование/ прогнозирование». Благодаря этой концепции признается факт совместной деятельности в градостроительстве 4 субъектов: «юрист», «ученый», «проектировщик» и «практик» [27].

Эта идея дополнена концепцией двухмодельного градостроительного образования: архитектурная модель предполагала подготовку архитектора-градостроителя с углубленным изучением творческих дисциплин; внеархитектурная модель – это подготовка «не-архитектора» (инженера, экономиста, географа) на не-архитектурном факультете. Несмотря на то, что это задает два вектора для ролевых моделей – «творческое наитие» градостроителя-архитектора, и «расчет, аналитика, прогноз» как объект деятельности градостроителя-инженера – эти типы деятельности сфокусированы на городе (рис. 2, а), они подчинены ему и им же полностью обусловлены. Ролевые модели И.М. Смоляра (планирование, проектирование, программирование и – если принять во внимание работу [28] – частично регулирование) симптоматично направлены на экспансию пространства, «отвоевывание» у природного окружения нужных человеку условий обитания.

На этом фоне провидческой выглядит модель «Структура архитектурной бионики» Ю.С. Лебедева [29], который одним из первых в СССР вводит дуалистическое равновесие между природной и антропогенной (урбанизированной) средой¹⁵. Модель Лебедева [29] коррелирует с работами Б. Родмана, Г.М. Лаппо и др. географов, экологов, биологов. Появление природной среды как полноценного участника модели деятельности проектировщика резко повышает уровень сложности объекта градостроительной деятельности – из технической системы он сразу превращается в экосистему со множеством подсистем и дополнительных связей между ними (рис. 2б).

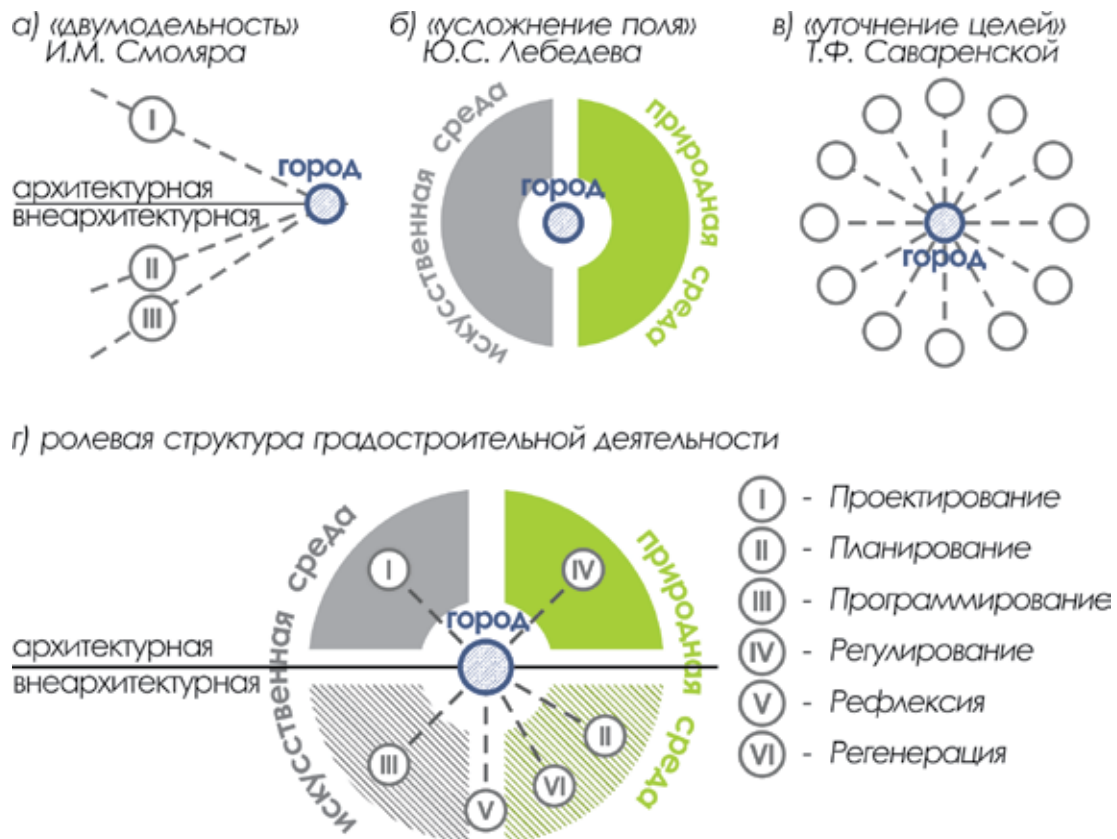

Рис. 2. Концептуализация типов градостроительных задач на основе обобщения теоретических моделей XX-XXI вв. (6 ролевых моделей): а) обобщение работ И.М. Смоляра; б) обобщение работ Ю.С. Лебедева; в) обобщение работ Т.Ф. Саваренской, В.В. Владимирова, М.В. Шубенкова, А.В. Крашенинникова; г) теоретическая модель ролевой структуры градостроительной деятельности

В начале 2000-х гг. объект градостроительной деятельности снова стал предметом пристального внимания. Город стал осознаваться не как техническая урбанизированная система, а система сложная многоуровневая, требующая применения так называемого «системного подхода» [30], владение которым предполагает принципиально иные, нежели получаемые в традиционной системе архитектурного или инженерного образования навыки. Эту идею развивают Т.Ф. Саваренская и Д.О. Швидковский, рассматривая город с точки зрения его экосистемных характеристик. Это уточняет круг целей градостроительной деятельности – если мы размышляем о городе как об экосистеме, то неотделимой от градостроительства деятельностью становится обеспечение целесообразности потребления всех типов ресурсов. Градостроительство начинает трактоваться как область знания, ответственная за соблюдение равновесия, сбалансированного и эффективного развития человеческих поселений. Это усложняет структуру задач проектировщика: указывает на необходимость регенерации среды, обеспечения ее восстановления и связанности с природой; расширяет зону ответственности градостроителя и требует качественного исследования всех компонентов среды обитания человека.

Следующий шаг связан с углублением понимания сущности объекта градостроительной деятельности. Работы В.В. Владимирова [20], современные исследования [1; 19; 30] призывают нас осмыслить роль жителя, населения, социума в неотрывной связи с урбанизированным ландшафтом. Сегодня город, поселение рассматриваются как сложная демозкосистема [30]. И это формирует перспективы для дальнейшего развития типологии градостроительной деятельности (рис. 2, в) – реализуется ли дерзновение о готовности сбалансировать развитие не только территории и природной среды, но еще и социальных систем, связанных с ними? Если градостроительство готово брать на себя эту ответственность – придется быть готовыми к запросу общества на новую роль для градостроителя – регулирующую, которая позволяла бы в условиях формирования коммуникационного поля взаимодействия всех участников процесса обустройства среды обитания координировать их усилия, сохраняя за градостроителем обязанности и права системного интегратора для процесса свободного градостроительства.

Три этих теоретических шага (рис. 2 а-в) приводят нас к схематичной модели ролевой структуры российского градостроительства, в которой концептуально осмысленными и включенными стали 6 из 9 приведенных ранее ролевых моделей (рис. 2 г). Очевидно, этому есть объяснение: каждая «ролевая модель» проходит несколько стадий своей эволюции¹⁶. Наибольшее разнообразие моделей предлагает реальная деятельность, которая гибко реагирует на возникающий перечень задач и предлагает быстрые инструменты их решения. Они могут и не получить развития в будущем. В теоретических концепциях озвучивается меньшее количество ролевых моделей, а профессиональные и образовательные стандарты – наиболее консервативный вариант оформления ролевой модели и ее признания – представляет нашему вниманию еще более скудный перечень ролей градостроителя. Для иллюстрации этого в качестве завершающей фазы исследования был проведен анализ ряда регламентирующих документов, некоторые из них упомянуты далее (табл. 4).

Таблица 4

Учет профессиональных ролей в градостроительстве на основе стандартизации задач в регламентирующих документах

Роль	Упоминание ролевой модели в регламентирующих документах			
	Градостроительный кодекс	Проф. стандарт «Градостроитель»	Образовательный стандарт (БАК)	Образовательный стандарт (МАГ)
Проектирование	Упомянется	Упомянется	Упомянется	Упомянется

Планирование	Упомянется	Частично упоминается	Не упоминается	Частично упоминается
Программирование	Частично упоминается	Частично упоминается	Не упоминается	Не упоминается
Регулирование	Частично упоминается	Частично упоминается	Упомянется	Упомянется
Рефлексия	Не упоминается	Частично упоминается	Упомянется	Упомянется
Регенерация	Не упоминается	Не упоминается	Не упоминается	Не упоминается
Интеграция	Не упоминается	Не упоминается	Не упоминается	Не упоминается
Инновации	Не упоминается	Не упоминается	Не упоминается	Не упоминается
История	Не упоминается	Не упоминается	Не упоминается	Не упоминается

В результате естественного отставания процесса концептуализации реализуемых на практике ролей в нормативные документы, в документах оказываются признанными 3 ролевые модели (проектирование, регулирование, рефлексия). Еще 2 модели (планирование и программирование), можно определить, как находящиеся в стадии оформления. Такой разрыв – 9 ролевых моделей, обсуждаемых профессиональным сообществом против 3 моделей, обозначенных в стандартах, указывает на системные противоречия в представлении о том, кем является градостроитель.

Градостроитель, каким его представляет российская теория (табл. 1–3, рис. 1, 2) – это «игрок» на полифункциональном поле, сосредоточенном вокруг сложного гетерогенного объекта – города (и шире – среды обитания человека). Правила игры, рамки, цели и задачи участников «игры» на этом поле выстраиваются индивидуально в зависимости от выбранной ролевой модели. Фактически представленное нами в табл. 1–3 единство этих «игроков» не объединено ничем, кроме города. Образование, навыки, идеология «игроков» с трудом поддаются какой-либо систематизации. Образ градостроителя в данном случае отражает подход к трактовке понятия «градостроительство» – оно ничем не ограничено, оно как гравитационное поле притяжения искусственной среды обитания, которое, расширяясь или сужаясь на конкретных участках, вовлекает в процесс своего развертывания неограниченный круг соучастников.

Образ же градостроителя, каким его представляет нам консолидация документов из табл. 4, сформирован по совершенно иному принципу. Во-первых, его обязанности по умолчанию могут быть совмещены в одном специалисте; во-вторых, его задачи ограничены производством, сопровождением и оформлением градостроительной документации, а его цель – обустройство территории. Наконец, он должен иметь конкретную базовую специальность¹⁷. Данные табл. 4 хорошо коррелируют только между собой: если полагать за градостроительством только тот перечень задач, которые указаны в Кодексе то, вероятно, претензий к профессиональным (и образовательным) стандартам возникнуть не должно. Если же сопоставлять их с теоретическими концепциями (рис. 2) или с реальной практикой (табл. 1–3), выясняется, что они представляют собой крайне усеченную версию и того и другого. Градостроительство в этой концепции выступает инструментом деления, рассечения территории на фрагменты, внутри каждого из которых определен тип профессионалов будет решать собственный набор задач. Эта система «ограничений и приоритетов» вызывает справедливую критику со стороны многих участников градостроительной деятельности [18] и провоцирует попытки передела рынка градостроительной деятельности в пользу других, в том числе вновь создаваемых специальностей. Чтобы не попустительствовать такому параллельному развитию двух взаимно несогласованных представлений о градостроительстве, вероятно, следует актуализировать и уточнить представления о том, чем же оно является сегодня¹⁸. Данное исследование оставляет этот вопрос открытым.

В заключение отметим, что в последние десятилетия практика осмысления структуры градостроительства обогатилась концепциями, которые направлены на поиск общего фундамента для всех видов градостроительного знания (например, «градоведение» А.М. Лолы [21], «метатеория градостроительной науки» С.В. Норенкова [23]). Ряд исследований преследуют цель интеграции всех типов деятельности в единый «створ» градостроительства (М.Г. Меерович, А.В. Крашенинников). Таким образом, решается сложнейшая синтетическая задача поиска образа градостроительства как целостности и единства. Оно готово решать новые концептуальные задачи, оно начинает осознавать себя как систему ценностей, а не только как область прикладной или научной деятельности. Это видится поводом для сдержанного профессионального оптимизма.

Простота заявленной в статье темы иллюзорна. Осознаваемые и принимаемые нами самими границы ответственности российского градостроительства оказывают прямое и крайне заметное влияние на концепцию его будущего. Посредством формулировки перечня профессиональных задач в образовательных стандартах, опираясь на ролевую структуру участников градостроительных процессов, с помощью списка специальностей, выпускники которых смогут занимать градостроительные должности, определяются черты «завтра», которое придет в российские города и сформирует их среду – место обитания наших детей. Пронзительному манифесту В.В. Владимирова «Российские города будут такими, какими будут их жители» [20] хочется ответить «Да. И еще такими, какими мы воспитаем их градостроителей».

Исследование выполнено в рамках Государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы по Плану фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН, тема 5.1.6/4.2.13.

---

¹ Трудность описания структуры градостроительства в стиле традиционных академических наук приводит в замешательство многих авторов, в том числе зарубежных [2]. В России эта проблема затронута, например, Л.П. Холодовой [3], убедительно раскрывающей сущность перемен, произошедших с архитектурной наукой (градостроительство рассматривается как ее часть) и обосновывающей необходимость развития всех ее компонентов, в том числе и не очевидно связанных непосредственно с проектированием

² У этого есть весомые политические и экономические причины, о которых подробно говорится в работах Ю.П. Бочарова, Ю.Л. Косенковой, М.Г. Мееровича, О.М. Хан-Магомедова.

³ Профессиональный стандарт «Градостроитель» (2016)

⁴ Например, еще в тексте «Национальной доктрины градостроительства» (2000) сформулирована необходимость в «научной теории города», имеющей «выраженный межотраслевой, междисциплинарный характер», а ее развитие «наряду с ассимилирующей новейших дисциплин (общая теория систем, моделирование, научное прогнозирование и др.), существенно дополняющих традиционные разделы, настоятельно потребует структурировать градостроительство как систему научных знаний, четко выделяя и эффективно развивая ее ядро – теорию градостроительства». В тексте «Градостроительной доктрины РФ» (2014) градостроительство полагается «надотраслевой структурой в созидательной деятельности государства» и «включает две взаимоувязанные сферы деятельности: материальную, объектную..., а также деятельность, осуществляемую в процессе прогнозирования, программирования и проектирования первой среды».

⁵ Идею необходимости различения «профессии» и акта «проектирования» одним из первых сформулировал П.В. Капустин [8], позже в работах Л.П. Холодовой и Ю.М. Моисеева находим размышления о постепенной утрате синонимичности между терминами «градостроительное проектирование» и «градостроительная деятельность»

⁶ Ранее в статье Н.Н. Жеблиенок [9] была рассмотрена профессиональная структура градостроительной деятельности. Автор полагает, что «профессиональная структура» может рассматриваться как совокупность реального профессионального представительства в деятельности. Фактически – это «лица» градостроительства, реальные люди, занимающиеся решением градостроительных задач (иногда без или (намеренно) – вне системы профессионального образования). Под «ролевой структурой» понимается то, каким градостроительное сообщество само видит себя сквозь призму решаемых им профессиональных задач. Ролевая структура характеризует обобщенный образ коллектива российских градостроителей, участвующих в разных сферах градостроительной деятельности и решающих градостроительные задачи разного типа.

⁷ Л.М. Тверской [13] исследовал период первобытно-общинного строя, когда «устройство населенных мест вызывалось необходимостью ...укрытия от непогоды, зверей, соседних общин», и более поздний период складывания феодальных отношений, для которого было характерно решение задачи «создания опорных пунктов». Что позволило сделать вывод о том, что «круг проблем, охватываемый градостроительством, чрезвычайно узкий на ранних ступенях развития... расширяется по мере роста производительных сил».

⁸ В работе И.С. Николаева «Профессия архитектора» подробно описан процесс эволюции профессиональной культуры и профессиональных задач градостроителя в западноевропейских странах. В рамках данной статьи сознательно обсуждаются только поворотные моменты российской истории профессии градостроителя.

⁹ По выражению Н.Ф. Гуляницкого [14], «синтез профессий» – своеобразный инструмент, способствовавший разрешению проблемы кадрового голода градостроительства – в XVIII в. приводит к тому, что «совмещение и перемещение профессий... стало приобретать на практике широкие масштабы», задачи «по перепланированию и реконструкции сотен городов России ...» брали на себя «представители землемерного и садово-паркового искусства, которым нередко приходилось брать на себя функции ... градостроителей»

¹⁰ И.Н. Манасеин упоминает о работе в градостроительстве с легкой иронией. Занятие градостроительством, вероятно, противопоставлялось более престижным ролевым моделям «архитектора-художника» и «архитектора-математика» [15], которые были сориентированы на работу с частными заказчиками и, вероятно, с экономической точки зрения были более успешными

¹¹ В.Н. Семенов обсуждает даже специальный профессиональный термин, якобы широко известный среди проектировщиков начала века – «гаусманить» (реализовывать градостроительные идеи, действовать как барон Hausmann – в русском произношении сегодня – Осман) [12, 16].

¹² Об этом пишет специалист в области права М.Д. Загряцков в работе «Земельная политика городского самоуправления в Германии: Строительное право, как фактор городского землеустройства» (1913): «...частная экономическая инициатива односторонне пользуется техническими знаниями исключительно в целях наибольшего обогащения, которое далеко не всегда совместимо с требованиями общего блага». Подобная угроза, исходящая от частного застройщика обуславливает роль государства, которое «...вмешивается в стихийный процесс ...развития города, намечает ему ...правовые рамки и, претворяя благие пожелания экономической науки, общественной гигиены и строительной техники в повелительные нормы права, пытается направить частнохозяйственную деятельность ... к осуществлению общего блага»»

¹³ Подробнее о дискуссиях по вопросам поиска точного перечня профилей планировщиков (которые так и не завершились, несмотря на ряд принятых регламентирующих документов) см. в статьях [9; 17]

¹⁴ Наименования выделяемых ролевых моделей и формулировка круга их обязанностей не являются окончательными. Важен факт признания глубокой дифференциации современной градостроительной деятельности. Проблема эта остро стоит в условиях российской науки о градостроительстве, поскольку профессиональное сообщество долгое время было втянуто в решение задачи поиска целостности градостроительного знания. Признание «градостроительства» самостоятельной профессией потребовало много усилий. Но сегодня, подсказывает нам анализ научного дискурса, нельзя останавливаться на достигнутом, необходимо продолжить поиски оптимальной конструкции для системы профессионального образования и стандартизации. Устранены многие пробелы и почти ликвидировано национальное «отставание» в вопросах необходимого минимума для развития профессиональной культуры. Теперь дело за поиском инструментов, которые помогут нам занимать лидерские позиции и обеспечивать российские города прорывными решениями.

¹⁵ В модели Ю.С. Лебедева социальные и технические системы размещены как единый «плюс» по отношению к живой природе. В основании проектной деятельности, таким образом, оказывается биполярная система. В других моделях 1970–1990 гг. упоминание природы фактически не встречается, обычно градостроительство (или – более широко – проектирование) рассматривалось само по себе, в отрыве от среды обитания.

¹⁶ Первоначально все виды деятельности, очевидно, зарождаются в поле практической деятельности, направлены на удовлетворение насущных нужд общества. Создается предпосылка для их осмысления, что служит переходом к следующей фазе, когда ролевая модель начинает упоминаться в теоретических моделях и концепциях, рассматривается как полноценная часть деятельности. Следующий шаг – это оформление всей суммы профессиональных задач и навыков для их решения в виде конкретной специальности или направления обучения. Возникающая новая специальность – отражение того, что ролевая модель признана в роли постоянной и востребованной обществом. Наконец, заключительная фаза – то появление профессионального стандарта, регламентирующего функционирование этого типа профессиональной деятельности, официально закрепляющего его профессиональную структуру, т. е. перечень специалистов и профессий, способных ее реализовывать.

¹⁷ Согласно профессиональному стандарту «Градостроитель» (2016), это специальности «архитектура», «ландшафтная архитектура», «градостроительство», «дизайн архитектурной среды» и «реставрация и реконструкция архитектурного наследия».

¹⁸ Именно градостроительство, а не только синонимично употребляемая вместе с этим термином градостроительная деятельность. Опыт концептуального осмысления границ между этими понятиями говорит о том, что они (границы) существуют и расширяются с каждым днем. Мировой опыт подтверждает, что проектная профессиональная градостроительная деятельность является только частью современного градостроительства.

Библиография:

1. Petrișor, A. Multi-, trans- and inter- disciplinarity, essential conditions for the sustainable development of human habitat / A. Petrișor // *Urbanism. Architecture. Constructions.* – 2013. – 4. – P. 43–50.
2. Després, C., Vachon G., Fortin A. Implementing Transdisciplinarity: Architecture and Urban Planning At Work, in N. Janssens & I. Doucet (éds), *Transdisciplinary knowledge production in architecture and urbanism*, in *Urban and Landscape Perspectives.* – 2011. – Vol. 11. – P. 33–49.

3. Холодова, Л.П. О месте архитектуры в ряду академических наук России [Электронный ресурс] // Л.П. Холодова/Архитектон: известия вузов. – 2015. – №49 (март). – С. 102–09. – URL:
4. Диканский, М.Г. Постройка городов, их план и красота / М.Г. Диканский. – Петроград: Издание Н.П. Карбасникова, 1915.
5. Аранович, Д. М. Градостроительство / Д. М. Аранович // БСЭ. 1-е изд. – М., 1930. – Т. 18. – С. 107–117.
6. Крашенинников, А.В. Профессиональные компетенции градостроителей / А.В. Крашенинников //Изв. КрасГАСУ (Градостроительство, планировка сельских населенных пунктов). – 2009. – №1(11). – С. 59–64
7. Топчий, И.В. Субъекты архитектурно-градостроительной деятельности / И.В. Топчий // АМИТ. – 2016. – №3 (36). – С.19.
8. Капустин, П.В. О демофологизации жизнестроительства / П.В. Капустин // Architecton. – 1995. – №2. – С. 15–19.
9. Жеблиенок, Н.Н. Профессиональная структура современного градостроительства [Электронный ресурс] / Н.Н. Жеблиенок // Architecture and Modern Information Technologies. – 2018. – № 3(44). – С. 294–307 – URL: http://marhi.ru/AMIT/2018/3kvart18/17_zheblienok/index.php
10. Моисеев, Ю. М. Предпосылки реконфигурации системы градостроительного планирования. [Электронный ресурс] / Ю. М. Моисеев // Архитектура и современные информационные технологии (АМИТ) – 2013. – №2. – URL: <http://www.marhi.ru/AMIT/2013/2kvart13/moisseev/moisseev.pdf>
11. Есаулов, Г.В. Архитектурная наука и образование: векторы развития / Г.В. Есаулов // Academia. Архитектура и строительство. – 2016. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhitekturnaya-nauka-i-obrazovanie-vektory-razvitiya>
12. Шквариков, В.А. Планировка городов России XVIII и начала XIX века / В.А. Шквариков. – М.: Изд-во Всесоюз. акад. архитектуры, 1939.
13. Тверской, Л.М. Русское градостроительство до конца XVII в. / Л.М. Тверской. – М.: Гос. изд-во литературы по строительству и архитектуре, 1953.
14. Гуляницкий, Н.Ф. Синтез профессий и метод зодчего в русской архитектуре конца XVIII в. / Н.Ф. Гуляницкий // Архитектурное наследие. 30-й вып. – М.: Стройиздат, 1982. – С. 24–31.
15. Манасеин, И.Н. Записка об учебном строе в Институт гражданских инженеров Императора Николая I / И.Н. Манасеин. – СПб, 1903.
16. Семенов, В.Н. Благоустройство городов / В.Н. Семенов. – М., 1912.
17. Бочаров, Ю.П. Теория градостроительства как система научных знаний в работах российских инженеров и архитекторов XX века / Ю.П. Бочаров, Н.Н. Жеблиенок, М.А. Жеблиенок // Architecture and Modern Information Technologies. – 2017. – №4(41). – С. 219–230 [Электронный ресурс]. – URL:http://marhi.ru/AMIT/2017/4kvart17/16_bocharov_zheblienok/index.php
18. Новый профессионал новому городу. Сравнительный анализ образовательных программ в сфере городского планирования и архитектуры. – М., 2016.
19. Устойчивые кварталы как социальный проект. Принципы создания самодостаточного города: мат-лы сессии Moscow urban forum. – 2018. – URL: <http://mosurbanforum.ru/events/232>
20. Градостроительство России XXI века: сб. научных статей РААСН. – М.: Рос. акад. архитектуры и строительных наук, 2001.
21. Лола, А.М. От градостроительства – к градоведению и теории города /А.М. Лола // Реферат в форме доклада. – М., 2016.
22. Градостроительство: круглый стол // Архитектура и строительство России. – 2016. – № 4.

23. Норенков, С.В. Научные исследования: проектный синтез: курс лекций / С.В. Норенков. – Н. Новгород: Изд-во ННГАСУ, 2011. – 271 с.
24. Моисеев, Ю.М. «Хартия общественного пространства» и задачи градостроительного анализа/Ю.М. Моисеев/ «Наука, образование и экспериментальное проектирование» труды МАРХИ: материалы международной научно-практической конференции. Издательство: Московский архитектурный институт (государственная академия). Москва. 2015. С.196-200.
25. Сарнацкий, Э.В. Полицентричность парадигмы урбоэкологического пространственного развития // Academia. Архитектура и строительство. – 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politsentrichnost-paradigmy-urboekologicheskogo-prostranstvennogo-razvitiya>
26. Шубенков, М.В. Теория города и ее развитие в рамках современного учебного процесса /М.В. Шубенков // Современные технологии и методики в архитектурно-художественном образовании, мат-лы междунар. науч.-метод. конф., 2016. – С. 127–129.
27. Градостроительство как система научных знаний / Владимиров В.В., Саваренская Т.Ф., Смоляр И. М.; под ред. И. М. Смоляра. – М.: УРСС, 1999. – 120 с.
28. Основы комплексной междисциплинарной научной программы «Теория города»/ Белоусов В.Н., Сдобнов Ю.А., Смоляр И.М. – М.: РОХОС, 2004. – 56 с.
29. Лебедев, Ю.С. Архитектурная бионика/Ю.С. Лебедев, В.И. Рабинович, Е.Д. Положай и др. – М.: Стройиздат, 1990. – 269 с.
30. Лаврик, Г.И. Подготовка научных кадров – кардинальная проблема градостроительства настоящего и будущего/ Г.И. Лаврик, О.И. Реутов, Т.Н. Щербакова// Градостроительство. – 2013. – №6 (28). – С.36-41.
8. www.integro.ru

Статья поступила в редакцию 15.11.2018

Лицензия Creative Commons

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция – На тех же условиях») 4.0 Всемирная.

THE ROLE STRUCTURE OF MODERN URBAN PLANNING PRACTICE

Zheblienok, Natalya N.

PhD. (Architecture),
Saint-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering,
ООО «City Planning Laboratory»,
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: shesternevan@gmail.com

Abstract

The article presents the results of a study into the role structure of Russian urban planning practice. A review of the professional discourse in the 20th-21st century has suggested nine role models of planning activity taking shape in professional practice (designated as “planning”, “design”, “programming”, “reflection”, “regulation”, “regeneration”, “integration”, “innovation”, “history»). Analysis of theoretical concepts has revealed at least six models out of this list addressed in scholarly ideas concerning the structure of urban planning activity. However, in the regulatory documents, the role of the urban planner is limited to the development and execution of urban planning documentation, that is only three models have been officially “formalized” (“design”, “regulation”, “reflection”). This discrepancy points to the need to mainstream the terms «urban planning» and «urban planning activities» as well as updating and synchronizing all legal documents, standards, and concepts being developed.

Keywords:

urban planning activity, role models of activity, urban planner profession

References:

1. Petrișor, A. (2013) Multi-, trans- and inter-disciplinarity, essential conditions for the sustainable development of human habitat. *Urbanism. Architecture. Constructions*, 4, p. 43–50.
2. Després, C., Vachon, G., Fortin A. (2011) Implementing Transdisciplinarity: Architecture and Urban Planning at Work. In: Janssens, N. & Doucet, I. (eds.). *Transdisciplinary knowledge production in architecture and urbanism. Series “Urban and Landscape Perspectives”*, Vol. 11, p. 33–49.
3. Kholodova, L.P. (2015) On the Role of Architecture Among Academic Sciences of Russia [Online]. *Architecton: Proceedings of Higher Education*, No.49, p. 102–09. (in Russian)
4. Dikansky, M.G. (1915) *Construction of Cities, Their Plan and Beauty*. Petrograd: N.P. Karbasnikov Publishing. (in Russian)
5. Aranovich, D.M. (1930) Urban Planning. In: *Big Soviet Encyclopedia*. 1st ed. Moscow, vol. 18, p. 107–117. (in Russian)
6. Krashenninikov, A.V. (2009) Professional Competences of Urban Planners. *Transactions of KrasGASU (Urban and Rural Planning)*, No.1(11), p. 59–64 (in Russian)
7. Topchiy, I.V. (2016) Actors of Architectural and Planning Activity. *AMIT*, No.3(36), p.19. (in Russian)
8. Kapustin, P.V. (1995) On Demythologization of Life Building. *Architecton*, No.2. , p. 15–19. (in Russian)
9. Zheblienok, N.N. (2018) Professional Structure of Contemporary Urban Planning [Online]. *Architecture and Modern Information Technologies*, No. 3(44). p. 294–307. Available from: http://marhi.ru/AMIT/2018/3kvart18/17_zheblienok/index.php (in Russian)
10. Moiseyev, Yu.M. (2013) Prerequisites to Reconfiguration of the Urban Planning System. [Online]. *Architecture and Modern Information Technologies (AMIT)*, No.2. Available from: <http://www.marhi.ru/AMIT/2013/2kvart13/moisseev/moisseev.pdf> (in Russian)

11. Esaulov, G.V. (2016) Architectural Science and Education: Vectors of Development. *Academia. Architecture and Civil Engineering*, No. 2. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhitekturnaya-nauka-i-obrazovanie-vektory-razvitiya> (in Russian)
12. Shkavirkov, V.A. (1939) *City Planning in Russia in the 18th and early 19th Century*. Moscow: All-Union Academy of Architecture. (in Russian)
13. Tverskoy, L.M. (1953) *Russian Town-Planning till the End of the 17th Century*. Moscow: State Publishing House of Literature on Civil Engineering and Architecture. (in Russian)
14. Gulyanitsky, N.F. (1982) Synthesis of Professions and Architect's Method in Late 18th Century Russian Architecture. *Architectural Heritage*, Issue 30. Moscow: Stroyizdat, p. 24–31. (in Russian)
15. Manasein, I.N. (1903) A Note on the Academic Arrangements at the Emperor Nicholas-I Institute of Civil Engineers. Saint-Petersburg. (in Russian)
16. Semenov, V.N. (1912) *City Improvements*. Moscow. (in Russian)
17. Bocharov, Yu.P., Zheblienok, N.N., Zheblienok, M.A. (2017) Urban Planning Theory as a System of Scientific Knowledge in the Works of 20th Century Russian Engineers and Architects. *Architecture and Modern Information Technologies*, No.4(41), p. 219-230 [Online]. – Available from: http://marhi.ru/AMIT/2017/4kvart17/16_bocharov_zheblienok/index.php (in Russian)
18. *A New Professional for a New City. A Comparative Analysis of Educational Programs in Urban Planning and Architecture*. Moscow, 2016. (in Russian)
19. *Sustainable Urban Blocks as a Social Project. Principles of Creating a Self-Sufficient City*. Proceedings of the Moscow Urban Forum, 2018. Available from: <http://mosurbanforum.ru/events/232> (in Russian)
20. *Urban Planning in 21st Century Russia*. Transactions of RAASN. Moscow: Russian Academy of Architecture and Civil Engineering, 2001. (in Russian)
21. Lola, A.M. (2016) *From Urban Planning to Urban Planning Science and Theory of City. A Summary in Report Format*. Moscow. (in Russian)
22. *Urban Planning: a Round Table*. (2016) *Architecture and Civil Engineering of Russia*, No. 4. (in Russian)
23. Norenkov, S.V. (2011) *Scientific Research: Design Synthesis*. N.Novgorod: NNGASU Publishing. (in Russian)
24. Moiseyev, Yu.M. (2015) The «Public Space Charter» and the Objectives of Urban Planning Analysis. Research, Education and Experimental Design. Transactions of MARHI: Proceedings of International Research to Practice Conference. Moscow: Moscow Architectural Institute, p.196-200. (in Russian)
25. Sarnatsky, E.V. (2018) The Polycentricity of the Paradigm of Urbo-Ecological Spatial Development. *Academia. Architecture and Civil Engineering*, No. 1. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/politsentrichnost-paradigmy-urboekologicheskogo-prostranstvennogo-razvitiya> (in Russian)
26. Shubenkov, M.V. (2016) City Theory and Its Evolution in the Context of the Contemporary Educational Process. In: *Contemporary Technologies and Techniques in Architecture and Art Education*. Proceedings of International Research and Methodology Conference, p. 127–129. (in Russian)
27. Vladimirov, V.V., Savarenskaya, T.F., Smolyar, I.M. (1999) *Urban Planning as a System of Scientific Knowledge*. Moscow: URSS. (in Russian)
28. Belousov, V.N., Sdobnov, Yu.A., Smolyar, I.M. (2004) *Foundations of the comprehensive transdisciplinary research program «City Theory»*. Moscow: ROHOS. (in Russian)
29. Lebedev, Yu.S., Polozhai, E.D. et al. (1990) *Architectural Bionics*. Moscow: Stroyizdat.
30. Lavrik, G.I., Reutov, O.I., Shcherbakova, T.N. (2013) Training of Research Cadre – a Cardinal Problem in Urban Planning of the Present and Future. *Urban Planning*, No.6 (28), p.36-41. (in Russian)